

Захватывающее фэнтези о проклятой земле,
кровавой войне и спасении в любви

Первая горь

ЭМИ ХАРМОН

Эми Хармон

Первая дочь

Серия «Романы Эми Хармон»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64030066

Первая дочь: Клевер-Медиа-Групп; М.; 2021

ISBN 978-5-00154-489-0, 978-5-00154-488-3

Аннотация

Земли Сейлока прокляты. В тех краях не рождаются девочки. Альба – первая и единственная дочь, рожденная в Сейлоке почти за два десятилетия. Тайна ее происхождения известна лишь королю, который добился трона ложью, убийствами и предательством.

Король растит Альбу как свою дочь. С детства принцессу охраняют лучшие ярылы. В их числе Байр, тихий юноша, наделенный нечеловеческой силой. Альба взрослеет, чувствуя его заботу даже на расстоянии, когда Байр воюет с врагами своего клана.

Она мечтает о Байре и ждет его возвращения с войны. Но король готовит для них иную участь. Альба и Байр становятся слишком опасны, их союз может лишить короля власти и положения. Сможет ли их любовь разрушить проклятие Сейлока и магию рун, чтобы победить короля?

«Первая дочь» Эми Хармон – эпическое фэнтези о проклятой земле, кровавой войне и спасении в любви.

Содержание

Пролог	7
Часть первая	21
1	21
2	36
3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эми Хармон

Первая дочь

*Ибо как жена от мужа, так и муж через жену.
Первое послание к коринфянам, 11:12*

Оригинальное название: THE FIRST GIRL CHILD

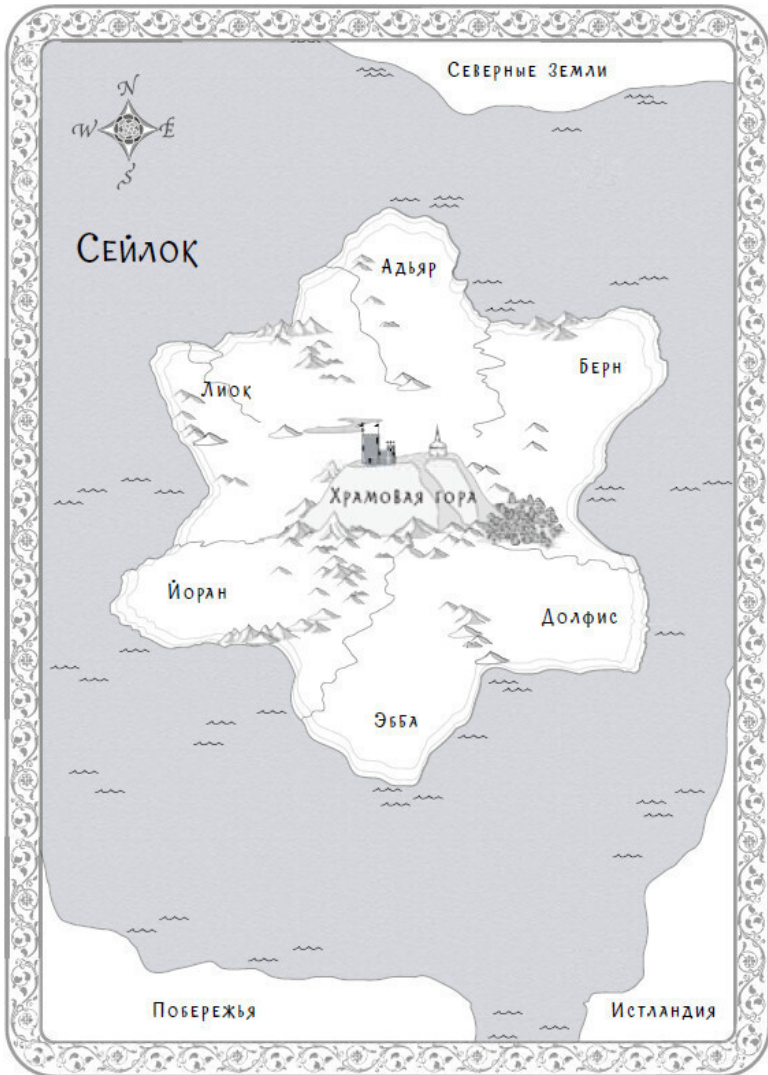
Text Copyright © 2019 by Amy Harmon

This edition is made possible under a license
arrangement originating with Amazon Publishing,
www.apub.com in collaboration with Synopsis Literary
Agency.

Cover design by Faceout Studio, Tim Green (7БЦ)

© Robin Macmillan / Trevillion Images (КБС)

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

Пролог

ДОЛГО, СЛИШКОМ ДОЛГО они карабкались вверх, но оба твердо верили, что если подняться на вершину Шинуэя, то они увидят море до самой Истландии. И тогда они смогут заметить паруса отца и воинов Долфиса, которые возвращаются, совершив набеги на дальние берега. Отец всегда привозил что-нибудь из поездок, пусть зачастую и не то, что им хотелось бы. Дагмару он дарил мечи, тогда как мальчик предпочел бы свитки. Дездемоне – побрякушки, хотя она больше обрадовалась бы мотку веревки или хитро сконструированному капкану. Но все равно они ждали его, всматриваясь в даль, потому и полезли так высоко.

– Буря идет, Дез, – тревожился Дагмар. – Туман лег на воду, и мы не заметим отца, даже если он подойдет к самому

берегу.

Дездемона хмурилась, но шла дальше, пробираясь по каменистой тропе, совсем как козы, которых они держали дома и к которым им надлежало вернуться. Если бы отец пришел сейчас домой, то наверняка удивился бы, обнаружив пустое жилище, голодную скотину, недоеную корову и отсутствие дров. Они ушли на рассвете, а сейчас был полдень, хотя из-за сгустившихся туч и тусклого серого света казалось, что уже близится вечер. По пути они играли, собирали сокровища, которые тут же выбрасывали ради новых находок. Остатки ели, а еще забрались на огромный дуб, прельстивший их своими раскинутыми низко ветвями. Между тем время шло, и они уже слишком долго отсутствовали.

– Сегодня он домой не вернется, – бросила на ходу Дездемона. – Старая Хильда спрашивала вчера у моря, и оно выкинуло на песок кучку из пяти раковин. Она сказала, что до возвращения воинов еще пять дней.

Уходя, отец поручал детей заботам почтенной Дунхильды, хотя Дагмар частенько ловил себя на том, что это скорее он присматривает за сонливой и дряхлой старухой, чем она за ними. Но в предсказаниях Хильда ошибалась редко.

Дагмар застыл как вкопанный.

– Тогда зачем ты говорила, что нам надо подняться к вершине? – сердито спросил он.

– Мне надоело дома, – пожал плечами, ответила Дездемона и, озорно улыбнувшись брату, потянула его за руку.

– Надо поворачивать назад, Дездемона, – строго сказал Дагмар. – Буря застигнет нас на скалах. – Из-за младшей сестры они постоянно попадали в неприятности, но она все равно никого не слушалась.

– Не волнуйся, Даг. Я тебя защищу, – заверила девочка, вынимая длинный кинжал из висевших у пояса кожаных ножен.

Взяв клинок обеими руками, она метнула кинжал в невзрачную сосну, вставшую прямо у них на пути.

– Попала! – радостно воскликнула Дездемона, устремившись к дереву, и Дагмар понял, что целилась она вовсе не в ствол.

Серый кролик с торчащим из спины кинжалом поскакал прочь и исчез в камнях у подножия самого высокого утеса. Три уступа Шинуэя образовали подобие гигантских ступеней, одна выше другой. Отвесные каменные глыбы высились среди пологих зеленых холмов, предвещая вид, от которого захватывает дух, и долгий, трудный подъем – и больше ничего, так что жители Долфиса редко навевывались на вершину горы. Время слишком дорого, а жизнь слишком трудна для праздных прогулок.

– Скорее, Даг, – бросила через плечо Дездемона, подсовывая под поясной ремень подол юбки, чтобы не мешал на бегу.

Один раз она поскользнулась и едва удержалась от падения, схватившись за зазубренный выступ скалы, но тут же

выпрямилась и поспешила за жирной добычей. Кролик истекал кровью, но не сдавался.

– Вон туда залез. – Отдуваясь, маленькая охотница указала на углубление между двумя первыми уступами.

– И унес твой кинжал, – добавил Дагмар, подумав, что кролик с радостью избавился бы от клинка. С узкой тропинки пещера была незаметна – покров из плюща, перекидываясь со скалы на скалу, укрывал вход. – Покажи руки, – велел он.

Дездемона нетерпеливо подняла ладони, ободренные и кровоточащие после падения.

– Кровь остановится. Почти и не больно, только саднит немножко. Я полезу туда. Мне нужны и кинжал, и кролик. Из кролика получатся отличное рагу и пара тапочек.

Дагмар не стал возражать. В пещере наверняка тьма крошечная, и далеко сестрица не уйдет. Он посмотрел на скалы, по-прежнему высившиеся над ними, прикинул расстояние, которое они уже прошли. Внизу, слева, лежало море. Туман скрывал воду, а завывание ветра сливалось с плеском волн, заглушая шум берегового прибоя, но Дагмар знал – оно там.

Позади них в суровом, непреклонном великолепии вытянулась долина со змеящейся серебряной лентой реки Могды, бежавшей между лачугами, которые казались отсюда осколками разбитой на песке раковины. Долина пестрела бугристыми, похожими на бесформенные зеленые пирамиды холмами, отделявшими одно поселение от другого. В Долфисе

было много таких холмов. Люди называли их спящими великанами, но больше они напоминали огромных дремлющих жаб.

– Здесь темно. – Голос сестры донесся из пещеры, и Дагмар поднял лицо к небу.

Над головой, окрашивая окружающий мир в цвет дождя, клубились тучи, темные и грозные, как нрав его отца. Вздыхнув, он отправился на поиски чего-то, при помощи чего можно было бы добыть огонь. Спускаться с горы под ливнем глупо, и пещера могла стать хорошим убежищем на следующие несколько часов. Но без костра не обойтись.

Его внимание привлекла упавшая сосна с поломанными, высохшими ветвями – их хватило бы надолго. Дагмар нарубил веток топориком, который всегда носил за поясом, и поволок их по узкой тропе к расселине в скале. У входа пришлось наклониться – Дездемона отвела плети плюща и придержала, чтобы брат смог затащить добычу в пещеру. Внутри Дагмар выпрямился в полный рост. Он не видел ничего на расстоянии вытянутой руки, но чувствовал перед собой пространство, огромное и неизведанное, как ночное небо.

– Нам нужен свет. Возьми мой топорик и сруби несколько лоз, только постарайся не отхватить себе пальцы на ногах, – велел он.

Охотницей Дездемона была умелой, но зачастую неловкой, что свойственно людям чересчур самонадеянным и легко отвлекающимся. Привычно поворчав для виду, она под-

чинилась и принялась срезать плющ охапками, впуская в пещеру неяркий свет.

Дагмару потребовалось не много времени, чтобы разжечь костер, хотя грохот молота Тора и хлестнувший по утесам ливень намекали на то, что они, скорее всего, застрянут здесь надолго, так что запаса веток могло и не хватить. Присев на корточки, Дездемона связывала прутики гибкими лозами, мастера себе факел. Она изготовила факел и для Дагмара, но, подгоняемая нетерпением, не стала дожидаться брата и отправилась за раненым кроликом одна.

Оставшись следить за огнем, в какой-то момент Дагмар заметил, что дым не повисает в воздухе, а поднимается и уносится в невидимые выси. Где-то там, несомненно, было отверстие, но Дагмару пришлось прервать размышления – сестра звала его. Голос звучал странно, откуда-то издалека, словно Дездемона поднялась вверх вместе с дымом. Видеть ее Дагмар не мог, но красноватые отблески костра отчасти разогнали тьму, и он двинулся на звук, взяв приготовленный для него факел. От основного прохода ответвлялись туннели с проемами в человеческий рост, исследовать которые у него не возникало ни малейшего желания. Держась спиной к костру, он не сводил глаз с мерцавшего впереди огонька. В одиночку Дагмар никогда бы не зашел так далеко, как забрела сейчас сестра, и, когда он наконец добрался до нее, он едва удержался от резких слов.

Замерев в арочном проеме боковой каверны, Дездемона

стояла лицом к стене и, подняв факел, рассматривала что-то на камне. Пока брат приближался, она медленно поворачивалась, освещая один участок стены за другим. Вокруг нее дышали и шевелились тени, возникая и исчезая в свете факела. Дагмар обратил внимание на размеры каверны, больше похожей на зал, чем на пещеру. Окружавшие их каменные своды напоминали купол храма, видеть который Дагмару довелось один только раз.

– Что это? – спросила Дездемона, когда брат остановился у входа.

Повторяя ее движения, он поднял свой гаснущий факел и, прежде чем ответить, медленно сделал три полных оборота. Сердце гулко заколотилось, но голос прозвучал глухо. Зал наполняли изображения, сотни изображений, вырезанных в камне. Круги и обелиски, глаза и углы – язык картинок и рисунков, прочесть который Дагмар не мог, хотя и узнал.

– Это... руны, – выдохнул он, ощутив благоговейный трепет.

– Я думала, руны есть только в храме Сейлока. Думала, их стерегут хранители, – прошептала Дездемона.

Лицо ее не выражало испуга, но в голосе эхом отозвалось волнение, заставившее екнуть сердце Дагмара. Он не был глуп и испугался, сильно испугался за них обоих, но не до такой степени, чтобы тут же уйти. Над их головами, сотрясая гору, грохотал гром. Пещера гудела от его раскатов.

– Как думаешь, что они означают? Это предания? – спро-

сила Дездемона.

– Некоторые из них. Посмотри, вот это ты узнаешь. – Дагмар указал на ближайшие к выходу изображения – похоже, руны начинались именно отсюда.

– Сказание о богах, – произнесла довольная собой Дездемона. – Вот Отец Сейлок, – показала она. – Орел Адьяр, медведь Берн, волк Долфис, вепрь Эбба, конь Йоран, лев Лиок.

Изображения были вырезаны с необыкновенной тщательностью. Бог Сейлок, сын Одина и отец их земли, располагался в центре шестиконечной звезды, а его дети – животные – на равном удалении от отца, каждый в своем луче. Дагмар коснулся верхней точки и повел рукой вправо, скользя пальцами по изображениям и называя имена кланов: Адьяр, Берн, Долфис, Эбба, Йоран, Лиок...

– Вот так наша земля должна выглядеть с неба.

Ободренная его примером, Дездемона протянула руку и прижала ладонь к руне, которая находилась прямо перед ней. В неверном свете факела глаза девочки горели любопытством.

– Дагмар, у этой руны есть крылья, – восхищенно произнесла она.

Резные линии потянулись к пальцам, и рокот далекого грома изменился, стал набирать высоту, пока гул не рассыпался на тысячу шепотов. Пещера наполнилась трепетом и шорохом, словно в нее, спасаясь от дождя, ворвался ветер.

Дездемона отдернула руку от изображения, но было слиш-

ком поздно. Откуда-то сверху на них обрушилось полчище крылатых существ. Они кружились по залу, ударялись о стены, пронзали когтями воздух, путались в волосах Дездемоны и цеплялись за одежду Дагмара. Уронив факелы, дети отчаянно, вслепую отмахивались от дрожащих тел и шелестящих крыльев, а потом бросились в объятия друг друга, пряча лица от сонма летучих тварей.

Выход из пещеры крылатые мыши нашли так же быстро, как и появились, но свист и шипение отражались от стен даже после того, как стая унеслась. Какое-то время брат и сестра жались друг к другу, шарили руками по одежде, проверяя, не осталось ли на них слепых летунов. Факелы еще не погасли – два огонька на каменном полу пещеры, – и Дагмар наклонился и поднял их. Хорошо, что им не придется отыскивать обратный путь в темноте. Поежившись, он еще раз отряхнул одежду. Дездемона, с факелом в руке, уже шагнула к стене – ее страхи исчезли, как летучие мыши.

– У той руны были крылья, а у этой языки пламени. Наверно, это руна огня, – предположила она.

– Нет! – крикнул Дагмар.

Предостерегающий вопль раскололся, ударившись о стены, и зазвучал хором голосов, но резьбу, которой коснулась рука Дездемоны, уже с шипением объяло пламя; линии, образующие символ, зарделись, как горящие угли. Дагмар выругался, снова бросил факел и сорвал плащ, чтобы погасить лижущий стену огонь.

– С ума сошла? Тебе нельзя касаться рун! – вопил он, сбивая языки пламени.

Плащ уже не спасти. От него и так уже воняло летучими мышами. Как только огонь погас, руна померкла. Тяжело дыша, Дагмар отступил от стены, ожидая следующего бедствия.

– Почему это мне нельзя? Ты же трогал, – пробурчала Дездемона, но, пристыженная, наклонилась за факелом брата.

А ведь она права, подумал Дагмар. Первым стены коснулся он. Обвел звезду Сейлока, и ничего не случилось.

– Может быть... некоторые из них просто содержат предания, – предположил он, чувствуя внутри странную пустоту.

– Тогда сам дотронься до огненной руны. – В голосе Дездемоны звучал вызов. – У меня факел погас.

Дагмар колебался, понимая, что он в этой сцене глупец, а сестра – мучительница. Но устоять перед соблазном не смог. Он ожидал жара, но ощутил только холодный поцелуй камня и складки резьбы, щекочущие кончики пальцев. Надавил еще сильнее, мысленно приказывая руне зардеться, желая ощутить в себе ту силу, которая с такой легкостью проявилась в сестре. Внезапно ему отчаянно захотелось вызвать шум крыльев и пламя, пусть даже летучие мыши унесут его прочь, а пещеру охватит огонь. Но руна отвергла его.

– Возможно, во мне течет кровь рун, – удивилась Дездемона, не замечая разочарования брата. – Как у хранителей.

– Кровь рун и ни капли здравого смысла, – сказал Дагмар, улыбнувшись сестре, чтобы сгладить колкость замеча-

ния и заглушить обиду в собственном сердце. Он всегда мечтал стать хранителем Сейлока.

И тут его осенило.

– У тебя... кровь... на пальцах. Ты оставила на рунах кровь. Хильда говорит, хранители используют кровь, чтобы разбудить руны.

Дездемона протянула руки к огню. Кровь запачкала кончики пальцев, въелась в складки кожи.

– Во мне и вправду кровь рун! – радостно изумилась она.

Поморщившись, Дагмар слегка царапнул палец лезвием топора. Порез наполнился кровью. В скудном свете факела она казалась черной. Гоня от себя страх, он обвел пальцем руну, изображающую глаз. Кровь размазалась по линиям, складывавшимся в веко, ресницы и зрачок. Руна выглядела достаточно безобидной – ни крыльев, ни языков пламени, ни мечей, ни обезглавленных тел, как на некоторых других изображениях.

Какое-то время он ждал, надеясь и страшась того, что может увидеть... или не увидеть. А затем его поглотила тьма, и разум перестал принадлежать ему. Перед глазами возникали и распадались картинки, а потом поле зрения сузилось. Дагмар поднялся над утесами и понесся над деревьями на головокружительной скорости – назад, к дому в Долфисе, где он жил с отцом и сестрой, пас коз, кормил свиней и читал все, что мог найти, пусть даже собственные каракули. Пролетев над домом, он помчался над холмами и долинами, лесами

и реками, пока не обнаружил, что стоит на Храмовой горе Сейлока с окровавленными руками, устремив взгляд на крышу святилища. На нем было темно-лиловое одеяние хранителя, а голова почему-то мерзла. Мокрыми пальцами он коснулся темени и почувствовал голую кожу.

Храм словно затерялся в роще леса; гигантские стволы уходили корнями в землю, на которой он стоял на коленях, а могучие ветви заслоняли небо. Он держал на руках женщину. Она походила на мать из его воспоминаний, но, когда мать умерла, ему было всего четыре и он не смог бы держать ее вот так. Это она всегда держала его. Тело женщины было теплым, а глаза холодны, и он громко плакал, захлебываясь рыданиями, разрывавшими сердце и горло.

– Дагмар, ты меня слышишь? – спросила мать, но взгляд ее оставался неподвижным, а губы не шевелились.

– Дагмар! – закричала она, и Дагмар судорожно вздохнул, выпуская воздух в горящие легкие.

Он вдохнул так глубоко, что женщина соскользнула с рук, а его самого бросило назад. Местность под ним менялась так стремительно, что слилась в смазанную разноцветную круговерть из синего и зеленого, темного и светлого, и Дагмар снова оказался в пещере. Он лежал на спине, ноги и руки раскинуты, ноздри заполнены кровью, за глазами пульсирующая боль. Дездемона с факелом в руке стояла на коленях рядом, и он понял, что это ее голос звал его.

– Ты меня напугал, – прошептала сестра, вытирая щеки.

Дездемона плакала. И он тоже. Дагмар осторожно сел, и у него скрутило желудок.

– Ты упал на землю, как будто умер, – проговорила она, рыдая.

Он потрогал шишку, вскочившую на затылке под косой. У него снова были волосы.

– Я хочу домой, Дагмар. Хочу быть воительницей, а не хранителем, – говорила Дездемона, помогая ему подняться.

Ее факел погас, но факел Дагмара давал достаточно света, чтобы покинуть чертог с рунами и вернуться к костру у входа в пещеру. Мальчик не чувствовал тела. Ноги двигались, но он не ощущал их. Дездемона держала его за руку, но Дагмар не чувствовал ничего, кроме камня. Камень вокруг, камень под ним, камень внутри него.

– Дождь кончился, – сказала Дездемона, когда они вышли из пещеры, но, даже если бы ливень продолжался, Дагмар все равно бы не остановился.

Прошло некоторое время, прежде чем он смог заговорить, руки и ноги согрелись и тело снова стало ему принадлежать. Дездемона молча шла рядом, словно ощущала его потрясение и старалась справиться со своим собственным. Но, когда они наконец добрались до подножия Шинуэя, Дагмар повернулся к сестре и заговорил настойчиво, но тихо, так, чтобы не слышали даже деревья:

– Обещай мне, что никогда больше не пойдешь в эту пещеру. И обещай, что никогда и никому о ней не расскажешь.

– Обещаю, – бросила она, но Дагмар видел, что сестра раздражена и устала.

Пережитое в пещере уже померкло для нее, как страшный сон, на который можно махнуть рукой. Дездемона потянула его за собой – к дому, ужину, отдыху. Но Дагмар знал, что никогда не забудет случившегося.

– Дездемона, – взмолился он, – выслушай меня.

– Я слушаю, Дагмар, – заверила она брата, глядя прямо на него.

– В этой пещере полно того, что никогда не должно быть найдено, – прошептал он, и голос его дрогнул от страха.

Сестра кивнула, широко раскрыв голубые глаза, и Дагмар впервые заметил, как сильно она похожа на мать.

Часть первая

Мальчик из храма

1

Десять лет спустя

ДАГМАР ПРЕДПОЧИТАЛ МОЛИТЬСЯ на открытом воздухе. Стены храма дышали прохладой и спокойствием, но камень был пуст, безжизнен, и Дагмар чувствовал себя отрезанным от чуда, которое вызывало у него желание молиться. Когда он уходил в лес, касался деревьев или взбирался по травянистым холмам, покрывавшим всю землю Сейлока, душа его воспаряла, слова, родившиеся в сердце, поднимались к устам и лились с губ. Он молился Одину, Всеотцу, хотя слово *отец* всегда отзывалось уколом вины. Его отец был воином, могучим и внушающим страх, и ни минуты не сомневался, что Дагмар пойдет по его стопам. Но воительницей стала Дездемона. Лучшая щитоносица Долфиса, она сражалась так искусно и так неистово, что все мужчины кланялись ей. Дагмар не хотел, чтобы им восхищались. Он хотел познать богов.

Хранителей Сейлока чтили и оберегали, а Дагмар всю жизнь мечтал о мире, покое и безопасности. Отец не смог отказать, когда Дагмар испросил у ярла Долфиса разрешение отправиться на Храмовую гору. Ежегодно от каждого из шести кланов избирали человека, который становился претендентом на звание хранителя Сейлока. Не каждого оставляли на обучение, не всякий в конце концов проходил посвящение. Случались годы, когда не принимали никого. У хранителей были свои критерии отбора. Но Дагмара приняли. Он полностью отдался этому служению, и верховный хранитель стал свидетелем его обета. Жрец обратил внимание на его немалую телесную силу, рост и тягу к рунам.

Верховный хранитель, маленький, сморщенный человек по имени Айво, спросил тогда у Дагмара голосом, пропитанным презрением и недоверием:

– Зачем ты здесь, Дагмар из Долфиса? Ты сложен как воин. Тебе нужно защищать свой клан.

– Я сложен как воин, но у меня сердце хранителя, – отвечал Дагмар.

В ответ верховный хранитель расхохотался, потом сплюнул. Его глаза и сморщенные губы были обведены черным.

– У тебя сердце не хранителя, а непослушного ребенка.

– Я отказываюсь становиться воином Долфиса... или любого другого клана. Это единственное, чего не принимает мое сердце.

– А если я отошлю тебя прочь? – спросил верховный хра-

нитель.

– Я поднимусь на скалы Шинуэя и брошусь вниз, – отвечал Дагмар. Он был убийственно серьезен.

Верховный хранитель не отослал его. Кроме Дагмара, в том году не приняли ни одного послушника из других кланов. И в следующем тоже. А Дагмар остался. Он находился здесь пятый год и больше уже не являлся послушником. Теперь он стал хранителем.

Балансируя на скользких камнях, Дагмар перебрался через ручей. Мысли его занимала Дездемона. Он был ее братом задолго до того, как стал хранителем Сейлока. В последние три ночи сестра снилась ему. По утрам он просыпался сам не свой от страха за нее. Будь она некрасива, жизнь ее сложилась бы легче, но Дездемона выросла красавицей и, несмотря на все свои таланты, имела обо всем собственные, зачастую ужасные, суждения. Возможно, сказывались отсутствие матери и пример отца, жившего только ради сражений и путавшего страсть и ненависть до такой степени, что в конце концов он разучился их различать.

Дагмар не видел сестру с тех пор, как поступил в храм. Он писал ей, но ответы получал редко, с большими перерывами. Она влюбилась в какого-то мужчину. Имени его сестра не упоминала, но Дагмар заметил, что слова, написанные ею на пергаменте, обрели стремительный наклон вперед, будто Дездемона падала в свое будущее, задыхаясь от нетерпения. Пошли пересуды о женихе. Дочь Дреда, самого грозного и

могучего воина Долфиса, сама по праву считавшаяся искусной воительницей, имела высокую цену. Ярл Дирт хотел ее для одного из своих сыновей, но больший смысл имело бы укрепление союза с другими кланами. Почти наверняка Дездемону должны были обещать мужчине из какого-то союзного клана.

Это чувство возникало всегда, когда Дагмар оказывался среди деревьев. Они как будто следили за ним. Нет... не следили. Наблюдали. Узнавали, приглядывались, но не осуждали.

– Мы приветствуем тебя, – шептали деревья: они принимали его, но не навязывались и не выпытывали его секреты.

Выйдя из-под тени высоких сосен, Дагмар начал взбираться на холм, с которого открывался вид на Берн на востоке и Долфис на юго-востоке. Между двумя землями шла гряда невысоких гор, таких же как и по всей стране. Они отделяли территории одного клана от другого, словно боги сделали это намеренно. В центре, там, где стоял храм, земля поднималась выше всего, и с Храмовой горы можно было увидеть владения всех кланов. С высоты к северу от храма открывался отличный обзор Адьяра, с южного склона – вид Эббы. Если бы Дагмару захотелось посмотреть на Йоран или Лиок, он мог бы подойти к западному склону Храмовой горы и увидеть земли обоих кланов – Йорана на юго-западе, Лиока ближе к северу. Но какое бы место Дагмар ни выбирал, от открывавшегося вида всегда захватывало дух и он будто

улетал в небо.

Сейлок был красивой страной и имел форму звезды с шестью сглаженными, закругленными лучами – по одному на каждый клан. Страна располагалась на острове в центре Северного моря. Когда-то сам Один запустил руку в морскую пучину, захватил в кулак кусок морского дна и вытащил к свету солнца. Там, где он разжал ладонь, остался остров.

– Сей-лок, – выдохнул Дагмар, делая ударение на каждом слове и закрыв глаза, чтобы сосредоточиться на мыслях.

«Сейлок» значит «благословенный», и в данный момент Дагмар знал, что так и есть, но боялся, что его собственное благословение не достигнет сестры. Она не могла убежать из Долфиса. Не могла воспрепятствовать честолюбивым планам отца на ее счет.

Не открывая глаз и сфокусировав мысли на милом лице Дездемоны, Дагмар снял с кожаного пояса кинжал и провел клинком по ладони. Разрез лег поверх множества старых шрамов, и сквозь пальцы быстро потекла теплая кровь. Земля отвечала только на нее. Кровь представляла собой жертву, и земля не хотела обменивать свои тайны на что-то менее ценное.

Опустившись на колени, Дагмар сжал кулак, позволяя алым каплям упасть в грязь. Он проливал собственную кровь ради мудрости. Не власти. Но знал тех, которые больше всего на свете жаждали власти. Такие были даже среди хранителей. Это запрещалось, однако запретный плод для

некоторых слишком сладок, чтобы устоять перед искушением. Если хранитель попадался на пролитии крови – своей или чьей-то еще – ради власти, то его убивали на алтаре Одина. На хранителей Сейлока возлагалась охрана запретных рун и надзор за преемственностью королевской власти, а не забота о собственном могуществе. Но перепутать ответственность с властью нетрудно. Дагмар ежедневно боролся с этим. Даже теперь, когда обменивал свою кровь на возможность помочь сестре, вникнув в суть ее проблем. Он знал, что она в затруднительном положении. Сны говорили об этом ясно.

Взяв кинжал, он вонзил его в землю, одновременно произнося имя Дездемоны. За мудрость Один отдал глаз, и Дагмар клинком изобразил руну видения. Желая рассмотреть невидимое физическим зрением, он чертил руну и шептал:

– Я хранитель Сейлока и взыскую видения, которое мог бы благословить, ибо хочу позаботиться о той, что зовет меня братом по плоти.

Тут же в голове возникло лицо Дездемоны. Не воспоминание, явившееся из глубин сознания, а свежий образ. Сестра была бледна, ее темные волосы разметались по ввалившимся щекам. Она кричала, и губы ее произносили его имя. Вот она умоляюще подняла руку, и Дагмар увидел, что ладонь ее в крови, как и у него. Картинка расширилась, будто Дагмар отступил на шаг, чтобы видеть больше.

Одетая в цвета своего клана, Дездемона сидела у дере-

ва, прислонясь спиной к стволу. Глаза закрыты, подбородок вздернут, будто в мольбе о помощи. Пока Дагмар рассматривал ее, она начала плакать. От негромких мучительных рыданий у него самого задрожали губы. Картинка начала удаляться, и Дездемона превратилась в пятнышко насыщенного синего цвета на холсте, который будто бы расписали разными оттенками зеленого и коричневого.

Дагмар знал это место, оно находилось недалеко. Лес из видения раскинулся прямо у подножия холма. Поднявшись, он стер руну кожаной подошвой и поблагодарил богов за их дары. Ладонь еще сочилась кровью, но Дагмар даже не подумал ее перевязывать.

Сунув кинжал за пояс, Дагмар по склону спустился к лесу, который был показан ему в видении. Двигался он быстро, целенаправленно, но не звал сестру по имени. Ему не хотелось, чтобы услышал кто-нибудь из хранителей. Дагмар все еще находился на территории святилища, и не только он искал уединения для размышлений и обращения к богам. Если бы Дагмар нашел в лесу Дездемону, то не знал бы, что с ней делать, куда вести. Все хранители Сейлока были мужчинами, женщины с ними не жили. Но сейчас он думал не об этом.

Дагмар тихо пробирался меж деревьев, внимательно вглядываясь в подлесок. Он знал, что сестра где-то рядом, и боролся с искушением позвать ее. По пути он никого не встретил, за все утро не видел ни одного человека и все же хранил молчание. В лесу царило безмолвие. Ни щебета, ни жужжа-

ния. В кронах деревьев не порхали птицы, по веткам над головой не бегали зверушки. Остановившись, он прислушался к тишине. Откуда-то слева донесся низкий стон, и он через деревья поспешил на звук.

Дездемона сидела в том же положении, что и в видении, опершись о дерево. Словно Локи, бог озорства и всяческой неразберихи, принес ее, чтобы подшутить над ним.

– Дез? – прошептал он, остановившись и не решаясь сделать следующий шаг. Подол ее платья пропитался кровью, руки были странно сложены на груди. Веки Дездемоны затрепетали и приоткрылись, потом закрылись и снова через силу открылись.

– Даг, – всхлипнула сестра, и он приблизился, словно шагнув в собственное видение.

– Ты ранена, – взволнованно произнес он.

– Нет. Не ранена.

– Ты истекаешь кровью!

Разговор получался каким-то нелепым. Он долгие годы не видел сестру, но вот она перед ним, сидит в луже крови в Храмовом лесу. Дагмар не спросил, как она сюда попала, а сестра не стала объяснять. Пока не стала. Просто, сложив руки на груди, смотрела, как он подходит. Так делают женщины, когда стараются прикрыть наготу. Внезапно ему подумалось, что сестру избили или, возможно, надругались над ней. Но, подойдя ближе, Дагмар понял, что она прячет вовсе не груди, а прикрывает ребенка. Младенца. Окровавленного и

такого маленького, что он казался ненастоящим. Распустив завязки спереди платья, Дездемона прижимала его к своей груди, кутая в одежду маленькое тельце.

– Брат, это мой сын, – сказала она. – Я принесла его тебе. – Голос звучал слабо, но голубые глаза на бледном лице, так похожие на его собственные, смотрели с горячечной иступленностью.

– Мне? Дездемона, я хранитель!

– А я твоя сестра и единственная, кто тебя любит. – Голос ее зазвучал резко, даже яростно, но сорвался, и она содрогнулась, вскинула голову, будто старалась не лишиться чувств. – А ты единственный, кто любит меня.

– Кто отец ребенка?

Раздался пронзительный крик, и Дагмар осознал, что плач, услышанный им в видении, издавал младенец, а не сестра. Несмотря на крошечные размеры и жалкий вид, вопил он требовательно и громко.

– Его отец – Банрууд из Берна, – призналась Дездемона.

– Почему ты не пошла к нему?

Банрууд, молодой ярл Берна, возглавил клан после смерти отца и уже являлся могущественным человеком. Дагмар и Дездемона знали его с детства. Их отцы плечом к плечу сражались с врагами, иногда – друг против друга. Оба были воинами. Оба пользовались всеобщим уважением. Но Беренд, отец Банрууда, был ярлом своего клана, а Дред из Долфиса – нет. Кроме крутого нрава и меча Дред мало что имел. Беренд

владел гораздо большим и не позволял Дреду забывать про это. У Дагмара мелькнула мысль, что Банрууд, возможно, не позволил того же и Дездемоне, соблазнил ее обещанием сделать женой ярла, а потом бросил, как солдат шлюху.

– Я к нему ходила. И меня прогнали прочь, – всхлипнула Дездемона.

Пусть Дагмар и не узнал всей истории, но ответ получил.

– Как ты сюда добралась?

– Верхом. У меня лошадь недалеко. Где-то там. Дальше проехать не смогла. Ребенок начал выходить.

– Ты приехала одна?

– Одна, если не считать ребенка в утробе.

Дагмар тяжело вздохнул.

– Дездемона, почему? Почему ты приехала сюда?

– Ты должен забрать его, Дагмар. И назвать Байром. По клану его отца. Байром... потому что он будет могучим, как зверь, имя которого будет носить.

Опустившись возле нее на колени, Дагмар достал нож, чтобы начертить на земле, политой при родах кровью сестры, руны исцеления. Он должен ее вылечить. Ей нужно заботиться о сыне.

– Нет, брат! – остановила она. – У меня свои руны.

От губ по ее щекам разливалась мертвенная бледность, но Дездемона сумела достать с пояса кинжал. Дагмар дивился, что сестра еще в сознании. Крови она потеряла столько, что размокла земля. Меж обнаженных корней стояли багровые

лужи, словно само дерево кровоточило.

– Дези, ты не должна. Это запрещено. Рунами могут пользоваться только хранители.

– Я умираю, – фыркнула Дездемона. – Кто же меня накажет?

Дагмар поморщился, но сестра не обратила внимания – ее клинок уже погрузился в землю.

– Я любила его, – призналась она.

– Банрууда?

– Я любила его, и это стало ему досаждать. Больше всего на свете он жаждет власти. Он такой же, как его отец. Хочет быть королем. Он женится на дочери короля Ансела. Думает, это даст ему положение, жена рождает кучу сыновей. Но мой сын останется единственным ребенком Банрууда.

Трясущейся рукой она изобразила еще одну руну, которую Дагмар поначалу не узнал.

– Банрууд отвергнет его еще раз. И тем самым откажется от всего Сейлока. Спасение придет через моего сына, и только через него.

Ребенок снова закричал, и под его плач Дездемона обмякла – потеря крови лишила ее последних сил. Дагмар в отчаянии обнял ее обеими руками. Щеки его были мокрыми от слез, взор туманился; губами он прижался к волосам сестры. Как бы он хотел, чтобы она замолчала. Дездемона произносила заклятие на крови, самое могущественное, потому что кровь, пролитая на землю, содержала ее жизненную си-

лу, и смерть сестры скрепляла проклятие, как печать. Говорить теперь она могла только шепотом, но клинок продолжал чертить линии на мокрой земле.

– Нас унижают. Нами пользуются. Нас предают и бросают. Но нас редко любят. Да будет так. С этого дня в Сейлоке больше не будет дочерей, которых вы могли бы любить.

Земля содрогнулась, словно нож Дездемоны причинил ей боль, и на секунду Дагмар испугался, что сейчас она расступится и поглотит их. Но толчки прекратились так же внезапно, как и начались.

– Я люблю тебя, Дездемона, – срывающимся голосом произнес Дагмар, вытирая слезы о волосы сестры. – Я всегда тебя любил. Не говори так.

– Ты оставил меня, брат. А теперь я оставляю тебя, – выдохнула Дездемона, а потом слова застряли у нее в груди, она захрипела, рука, дочертившая руны, выпустила нож, и жизнь закончилась.

Ребенок протестующе закричал – коротко и горько – и вдруг замолчал, округлил рот и потянулся к материнской груди. Но его матери больше не было. Дагмар чувствовал, как жизнь покидает сестру, как опадает ее тело. Голова откинулась назад, и он увидел шею – молодую, красивую, с кровавыми отметинами от ее собственных пальцев. Дагмар встряхивал сестру, просил очнуться, а ребенок тем временем присосался к еще теплой груди, стараясь вобрать в себя то, что там осталось. Почувствовав отвращение, даже ужас,

Дагмар заплакал. А ребенок сосал, втягивая щеки и тиская ручонками белую плоть мертвой матери.

Дагмару хотелось отнять ребенка от груди, но он понимал, что младенец ни в чем не виноват. Он просто голоден. Дурного в этом не было, сосать грудь – это было врожденное умение. Кроме этих последних капель молока, Дездемона ничего не могла дать сыну. Обессиленный и потрясенный, Дагмар отвел взгляд. Он не выпускал тело сестры, чтобы не потревожить ребенка, и поэтому держал ее – вернее, их – и изучал руны, начертанные сестрой на пропитанной кровью земле.

Дездемона изобразила женщину с ребенком в кольце змеи; голова с раздвоенным языком поднималась через корону с шестью зубцами. По зубцу на каждый клан Сейлока. Еще она начертила руну силы и власти, но кольцо вокруг второй руны не было замкнуто, и Дагмар задумался, намеренно Дездемона это сделала или, умерев, не успела закончить. Он мог бы замкнуть кольцо своей кровью, но боялся – не навредит ли его вмешательство.

Замкнутое кольцо означало завершенность. В руне силы разрыв в кольце значил слабость. Пусть маленькую, едва заметную... но все же слабость. Если руна силы предназначалась новорожденному сыну, то Дездемона непреднамеренно оставила в ней фатальный изъян. Проведя клинком сестры по своей еще кровоточащей ладони, Дагмар закрыл разрыв.

– У него не будет ни матери, ни отца, ни клана. Всеотец,

у него буду только я. И я не представляю, как справлюсь. Но если он – Байр – проклят какой-то уязвимостью, то я исправлю этот недостаток, – молился Дагмар.

На него вдруг снизошло странное спокойствие. Он уложил сестру на землю, в которую ей предстояло вернуться. Младенец заснул, отвалившись от материнской груди. Он был теплый и липкий, весь покрыт кровью и грязью, но головку покрывали темные волосики. Ладно скроенное розовое тельце со складочками жира наводило на мысль о хорошо откормленном поросенке. Здоровый мальчишка, подумал Дагмар. Просто отменный.

– Теперь ты должен отправиться со мною, Байр, – сказал он ребенку, назвав его по имени, выбранному матерью.

Прокляв Банрууда, она все же дала сыну имя, начинавшееся с первого звука названия племени. Имена всех мальчиков клана начинались с того же звука, что и у отцов. У девочек имена начинались с первого звука материнского имени. У Дагмара мелькнула мысль, что сестре нужно было бы выбрать имя по первому звуку в названии ее собственно клана. Отец ребенка имел на него права, хотя Банрууд открыто отрекся и от матери, и от ребенка. Чувствуя, как в груди закипает гнев, Дагмар поклялся, что не отдаст сына этому человеку.

Следуя примеру сестры, Дагмар сунул малыша под одежду, на голую теплую грудь, и начал долгий подъем обратно к храму. Сестре он пообещал, что вернется, как только поза-

ботится о ребенке.

НЕСКОЛЬКО РАЗ ДАГМАР едва не повернул назад. Придется оставить себе младенца, но уйти от хранителей. Они никогда не позволят ему растить ребенка на территории святилища. На земле храма проживало очень немного женщин; большая их часть располагалась в комнатах для прислуги во дворце. В пределах храмовых стен женщины не жили. Хранители заботились о себе и святилище без их помощи – все братья по очереди выполняли повседневные трудовые обязанности. Нельзя было провести за молитвой, чтением или письмом весь день. Насущные потребности не позволяли оторваться от мира вещей, из которого так легко было уйти во время медитации.

Были на Храмовой горе и солдаты, небольшой отряд из королевского войска. Они защищали храм от грабителей и людей, пытавшихся проникнуть туда, где им не место. Храмовая гора походила на небольшой поселок, управляемый в основном мужчинами, и Дагмар точно знал, что не найдет няньку ни на территории храма, ни на прилегающих землях.

Обдумывая все эти суетные дела, Дагмар пытался представить себе присутствие ребенка в общине обитателей Храмовой горы. Айво, верховный хранитель, сразу отправит его прочь. Дагмар замешкался, остановился, развернулся на месте, обводя взглядом небо и деревья в поисках ответа на во-

прос, что же ему делать. Ребенок у него на груди заерзал, но не заплакал, и Дагмар инстинктивно похлопал младенца по спинке, успокаивая и его, и себя.

Уйти Дагмар не мог. Некуда было идти. У него не было дома в Долфисе. Больше не было. Дагмар содрогнулся при мысли о том, что может сделать отец. Он начнет войну. Вот что он сделает. Возьмет ребенка и поскачет в Берн, прямо к замку ярла Банрууда. И потребует возмещения за умершую дочь. А ребенка либо примет Банрууд, либо вырастит в Долфисе Дред, вернее, какая-нибудь женщина. Он наймет ее ухаживать за внуком, пока сам разбойничает и грабит заморские страны к востоку от Сейлока.

Банрууд уже отверг Дездемону и ребенка. Дред не годился. И Дездемона доверила сына заботам Дагмара.

– Один, отец Сейлока, сжался над этим младенцем. Он из рода твоего сына, прямой потомок медведя Берна и волка Долфиса. – Эту молитву Дагмар твердил с того момента, как оставил тело Дездемоны. Закончив подъем и приблизившись к воротам храма, он снова начал повторять ее.

– Хранитель Дагмар, тебя ищет мастер Айво. – Из башни у ворот его окликнул Якуб, стражник храма. Глаза его горели любопытством. – Что там у тебя, хранитель Дагмар? – допытывался Якуб.

Дагмар покачал головой, не ответив. Меньше всего ему хотелось, чтобы среди стражников и хранителей разнеслась весть о том, как Дагмар в складках собственной одежды при-

нес с молитвы младенца. Тогда мастер Айво узнал бы об этом еще до встречи с Дагмаром.

Когда-то давно хранители Сейлока наряду с животными приносили в жертву и людей. Каждые шесть лет шесть животных и шестеро мужчин посвящались богам. Закончилось это при короле Эносе из Эббы. Он путешествовал в земли христиан и перенял некоторые из их обычаев. К пантеону богов добавили Иисуса Христа, а человеческие жертвоприношения в кланах Сейлока прекратились. Энос не стал креститься. Просто он заинтересовался, поэтому и привез из странствий большой золотой крест и книгу, которую называл Библией. Их выставили на обозрение в храме под росписью, изображавшей путешествующего короля; над его головой, указуя путь, парило крылатое существо с золотистыми волосами.

В правление Эноса многое переменилось, но кое – что осталось прежним. В том числе власть верховного хранителя. Его звали Айво. Это имя он выбрал себе сам, и оно не перекликалось ни с одним из кланов, потому что прежде всего он обязан был оставаться беспристрастным ко всем шести кланам, хранить запретные руны и обеспечивать духовное благополучие всего Сейлока. Он отказался от старого имени, данного ему отцом, человеком из клана Йорана, и взял новое. С тем Айво и начал новую жизнь в новой роли. Если когда-нибудь Дагмар станет верховным хранителем, ему тоже придется выбирать новое имя. Но сначала нужно пере-

жить этот день. Мысли про пост верховного хранителя показались Дагмару глупыми, особенно с учетом того, что ему предстояло.

По груди Дагмара разлилось тепло, и на секунду он решил, что его посетило откровение, святой миг духовного озарения. Сердце благодарно екнуло. Наверное, Один отвечает на его молитвы. Потом тепло сменилось сыростью, и Дагмар понял, что ребенок, прижатый к сердцу, подпустил струю ему на грудь. Поморщившись, он пошел дальше. Случившееся подчеркивало, насколько прозаична проблема, с которой он столкнулся. В складках одежды спрятан младенец, а в лесу лежит мертвая сестра. Дагмар опять поморщился, и тут его охватила скорбь. Шок проходил, уступая место горечи утраты, и он, споткнувшись, упал на одно колено. Мокрый ребенок, явно ощутивший неудобство, испустил крик.

– Дагмар? – донесся голос из темных глубин внутреннего святилища.

Его поджидал мастер Айво, верховный хранитель.

– Да, мастер, это Дагмар.

– Иди сюда, – велел Айво.

Голос звучал странно, и Дагмар, сжав зубы, покрепче обнял под одеждой ребенка.

В святилище было темно и прохладно. Камень, обрамлявший окна с кроваво-красными стеклами, не давал теплу дня проникнуть внутрь. Во мраке мерцали свечи. Как король на троне, Айво сидел в своем кресле над алтарем. Всего кре-

сел насчитывалось семь, место мастера Айво располагалось в центре. Остальные кресла пустовали; шестеро главных хранителей, представляющих шесть кланов, оставили своего мастера размышлять в одиночестве. Так было заведено. Вместе они медитировали один раз в день, а официальные места занимали только во время церемоний и богослужений. Но мастер Айво часто находился в святилище, превратив его в личное пространство, где вел дела и исполнял обязанности, которыми был облечен.

После дневного света глаза Дагмара медленно привыкали к темноте помещения, и некоторое время он видел только язычки пламени, мерцающие на макушках восковых свечей. Ими уставили все поверхности в святилище.

– Я видел кое-что, беспокоившее меня, Дагмар, – тихо сказал Айво.

Дагмар ощутил, как кровь быстрее побежала по жилам. Не замедляя шага, он приблизился к верховному хранителю и остановился перед самым алтарем.

– Что ты видел, мастер? – спросил он.

– Смерть женщины.

– Я тоже видел ее смерть, но не в видении, мастер. Наяву, – сказал Дагмар дрогнувшим голосом.

Слезы хлынули у него из глаз и потекли по щекам, но Дагмар не замечал этого. Мастер Айво не выглядел удивленным и не сводил глаз с лица Дагмара. Поведав верховному хранителю о своих снах, которые видел три ночи кряду, Дагмар

рассказал, как отправился искать откровения, чтобы понять смысл сновидений, как принес жертву ради мудрости, как в видении ему явилась сестра.

– Я легко нашел ее, мастер. Но помогать ей было слишком поздно.

– Когда ты появился, она уже умерла? – спросил Айво.

– Нет. Но она истекала кровью.

– Почему?

– Там, в лесу, она родила ребенка. На том самом месте. Что-то пошло не так. Крови было слишком много.

Дагмар не сказал мастеру Айво про руны. Руны являлись запретными для всех, кроме хранителей Сейлока, и даже им разрешалось пользоваться только определенными рунами.

– Что насчет ребенка? – задал вопрос мастер Айво.

Ощущая приступ животного страха, Дагмар распахнул одежду, достал голого младенца и на трясущихся руках поднял его к верховному хранителю. К этому времени ребенок снова заснул, но, оторванный от тепла кожи Дагмара, замахал ручонками. Мастер Айво зашипел, словно Дагмар протянул ему извивавшуюся змею.

– Ребенок жив и здоров, – заявил Дагмар. – И я его дядя. Я не мог оставить его умирать в лесу.

Верховный хранитель в ужасе смотрел на него.

– Дядя Одина, брат Бестлы, научил Одина песням жизни. Он научил его восемнадцати заклинаниям. Он не отрекался от ответственности из-за того, что он бог, – настаивал Даг-

мар. – И я не могу отречься из-за того, что являюсь хранителем.

– Кто будет кормить ребенка? У тебя же, брат, титек нет. – Едкое замечание Айво застало Дагмара врасплох.

– Какая-нибудь женщина из королевской деревни знает, что делать. Если придется, он будет пить козье молоко, как мы, – пробормотал Дагмар, стараясь чтобы его голос не выдавал его страха.

За себя он не боялся. Не страшился гнева или недовольства Айво. Его пугало, что Айво не разрешит оставить младенца в храме. Тогда Дагмару придется уйти. Им обоим придется.

– Кто отец ребенка?

Дагмар не выдал себя волнением. Он готовился к этому вопросу и солгал очень убедительно.

– Я не знаю, мастер.

Мастер Айво презрительно скривился. Похоже, женщина, рожавшая в отсутствие мужчины, готового перекусить пуповину младенца собственными зубами, не заслуживала его сострадания. Этим ритуальным действием в кланах признавали отцовство.

– Она сказала, что назвала ребенка Байром. – Дагмар торопился сказать правду, чтобы скрыть ложь. – Сказала, что он будет сильным, что через него в Сейлок придет спасение. И попросила меня взять его. Я так и сделал, мастер. Молю, позволь мне вырастить его здесь, среди нас.

Мастер Айво побледнел и некоторое время хранил молчание. Пренебрежение на его лице сменилось раздумьем.

– Что она подразумевала... под спасением? – прошептал верховный хранитель.

– Не знаю, мастер. Возможно, это было всего лишь предсмертное пожелание матери сыну. Но... по-моему, нечто большее.

В святилище наступило молчание, наполнившее воздух напряжением, а для Дагмара – и муками неизвестности. И только через несколько минут Айво снова заговорил. Сердце Дагмара начало успокаиваться, а страх убывать.

– Мне она тоже снилась, Дагмар, – признался Айво. – И прошлой ночью, и предыдущей, и много ночей подряд. Я не знал, что это значит. Но женщина... она напоминала мне тебя. Она была похожа на тебя. Поэтому я и позвал тебя к себе. И вот ты здесь.

У Дагмара перехватило дыхание, и он склонил голову, отчаянно пытаясь справиться со своими чувствами.

– Дай ребенка мне, – велел Айво.

Дагмар повиновался. Ноги дрожали так, что он боялся упасть. Обогнув алтарь, он поднялся по ступеням на возвышение, где сидел и ждал мастер. Дагмар понятия не имел, что этот человек сделает дальше. Когда Дагмар приблизился, обведенные черным губы и глаза мастера (как и у всех верховных хранителей с тех пор, как Сейлок поднялся со дна морского) пришли в движение, и он прошептал слова, рас-

слышать которые Дагмар не смог.

У мастера Айво были острые изогнутые ногти, но он принял ребенка на ладони с нежностью, удивившей и успокоившей Дагмара.

– Мать сказала, что он будет сильным? – прошептал верховный хранитель.

– Да, мастер.

– Я уже вижу, что это правда. Посмотри, как он держит голову! Для новорожденного младенца это необычно. Он рассматривает меня, Дагмар. У него ясный твердый взгляд.

Действительно, крошечный младенец смотрел на мастера Айво с поразительным любопытством, а между тем его розовое тельце сжимал в ладонях самый могущественный человек в Сейлоке. Более могущественный, чем король, ибо мастер Айво своей властью выбирал того, кто наденет корону. Даже более могущественный, чем боги и три норны, прядущие нити человеческих судеб, потому что в этот момент он держал жизнь ребенка в своих руках.

– Как звали твою сестру, Дагмар?

– Дездемона.

– Дездемона, – прошептал мастер Айво, растянув имя в длинном шипящем звуке. – Та, что убивает демонов.

– Да, – подал голос Дагмар. – Она стала великой воительницей нашего клана.

– Из женщин не получается великих воинов, – бросил Айво.

Дагмар промолчал, хотя остался при своем мнении. Мать ребенка была самой свирепой из дев-воительниц.

– Если я велю оставить его в Храмовом лесу в качестве дара Одину и всем богам Сейлока, ты подчинишься?

– Нет, мастер, – твердо ответил Дагмар.

Айво выругал Дагмара за дерзость, но не сводил глаз с ребенка.

– Со времен Бьорна в храме не было детей, а он попал к нам в десять лет, – веско произнес Айво; теперь Бьорн стал одним из старших хранителей, и ему перевалило далеко за пятьдесят. – Откуда нам знать, получится ли из этого мальчика достойный послушник?

– На горе живут солдаты. И повара, садовники, и прачки тоже. Мы же не все хранители или послушники, – осторожно заметил Дагмар.

– Это правда, – согласился Айво.

Он все так же смотрел на ребенка, которого держал в руках, но на его губах появилась улыбка. Даже мокрый и грязный, малыш просто дышал здоровьем и внушал большие надежды.

– Что я скажу остальным? – продолжил верховный хранитель, и сердце Дагмара забилось быстрее. Он увидел, что Айво смягчился по отношению к ребенку.

– Расскажи им про свои сны, мастер. Никто не усомнится в твоих сновидениях.

– А про твои сны, Дагмар?

– Я скажу лишь то, что ты разрешишь мне сказать, – покорно произнес Дагмар.

– Значит, в этом ты послушен? – В голосе Айво зазвучали сварливые нотки. – А если я велю отдать его богам, ты откажешься? Соберешься забрать его и уйти? Может, бросишься с утесов Шинуэя, а?

– Может быть. Но его судьба будет моей судьбой, мастер, – подтвердил Дагмар.

Внезапно младенец издал громкий крик, и Дагмар с Айво вздрогнули. Верховный хранитель чуть не уронил ребенка, и его ноготь оцарапал детскую кожу. На маленьких ребрах выступила полоска крови.

– Байр из Сейлока, – задумчиво пробормотал Айво, глядя на кровь. Уложив младенца перед собою на алтарь, он провел подушечкой пальца по кровоточащей царапине, потом начертал на лбу ребенка звезду Сейлока. – Байр из Сейлока, – нараспев заговорил он. – Байр, племянник Дагмара, дитя Дездемоны, сын храма. Тебе сохранят жизнь и станут оберегать ради цели, которой я пока не знаю, но я закрепляю пророчество матери на твоём лбу и сделаю все, что в моих силах, чтобы оно исполнилось.

У Дагмара ослабели ноги, и он сделал движение к алтарю, на котором лежал младенец. Чувства благодарности, вины и скорби, соединившись, заставили его опуститься на колени. Он не рассказал мастеру всего, а Айво только что скрепил слова Дездемоны кровью на челе ребенка.

– Забирай его. Устраивайся. Обязанности твои, хранитель Дагмар, останутся прежними – с ребенком или без него. Будем молиться, чтобы он приспособился к жизни на горе. Если нет, ему... и тебе... придется уйти.

* * *

Байр плакал только по ночам, когда в храме было темно и тихо, и крик младенца, разносясь по коридорам, заставлял хранителей, живущих в одном крыле с Дагмаром, возмущенно твердить, что храм не место для сирот. Днем Байр спал, хлопал глазами, гукал, дрыгал ножками. А вот ночи в чистой келье с каменными стенами и узкой кроватью выпадали тяжкие.

Из бочонка Дагмар смастерил колыбель, но в темноте ребенок не желал засыпать и не успокаивался, пока его не брали на руки. Дагмар боялся сомкнуть глаза; ему казалось, что он тут же заснет и уронит младенца. После первой недели такой жизни Дагмар настолько выбился из сил, что заснул прямо на полу с ребенком на груди. Оба спали так крепко, что Дагмар сдался, и с этого дня малыш спал с ним на куче соломы, а кровать стояла пустой.

Очень рано потеряв мать, Дагмар понятия не имел, как женщины ухаживают за детьми. Малыш был лишен материнской груди – и питающей, и успокаивающей ребенка; Дагмар не знал ни колыбельных песен, ни добрых сказок. Голос у

него был грубый и басовитый, руки – большие и неловкие, но сердце обливалось кровью от жалости. Ребенок, такой беспомощный и невинный, смягчил что-то в его сердце.

Женщина из королевской деревни, недавно отнявшая своего ребенка от груди, согласилась трижды в день приходить к стене, окружавшей храм, и кормить Байра, но этого не хватало, и малыш не наедался досыта. Дагмар изготовил из овечьей кишки соску и между визитами селянки подкармливал Байра козьим молоком, усиливая его питательные свойства молитвой. Он просил у богов силы и выносливости – чтобы ночью руки не ослабели и он не уронил ребенка, чтобы малыш не будил братию, чтобы его неопытность не закончилась бедой.

Поначалу остальные хранители недовольно хмурились, усложняя жизнь Дагмара, но после первых бессонных ночей примирились с присутствием в их среде ребенка. Не единожды он замечал, что даже старшие хранители улыбаются мальчику и делают ему «козу» в те моменты, когда им казалось, что их никто не видит. Все хранители Сейлока являлись членами исключительно уважаемого братства, но никому из них не суждено было стать отцом, и малыш давал им возможность ощутить то, чего они были навеки лишены.

Чтобы освободить руки, Дагмар сшил что-то наподобие переметной сумы. Теперь, куда бы он ни шел и какими бы делами ни занимался, его сопровождал сидящий в сумке Байр. С ребенком на груди Дагмар изучал обращение с рунами, на-

чинал свой день песнопением, а Байр слушал, широко раскрыв глаза и шевеля губами. Дайр исполнял работы по хозяйству, включая доение окаянных коз. Все это время он таскал мальчишку с собой в суме. Впрочем, тот быстро из нее вырос.

Малыш обладал неумным любопытством. Уже через несколько месяцев Байр стал ерзать и вертеться, требуя, чтобы его отпустили. Он успешно освоился в храме, начал ползать по каменным полам и булыжной мостовой во дворе. Вскоре он научился подтягиваться на руках и попадал в неприятности, подползая, хватая и таща все, до чего дотягивались его пухлые ручки. Один из хранителей – любитель пожаловаться – клялся, что проказник вырвал из его бороды клочок волос. Мастер удивлялся силе рук и ног малыша и собрал весь анклав посмотреть, как Байр лезет на корявое дерево, уже сотни лет украшавшее внутренний двор храма.

– Это необычно для столь маленького ребенка, не так ли, хранитель Дагмар? Ему еще нет и шести месяцев! Что это – козье молоко или дар богов? – Айво восхищался, а Дагмар только удивленно и беспомощно смотрел, снова совал племянника в суму, передвинув ее со спины на грудь, и добавлял в свои молитвы просьбу о том, чтобы Байр пережил хотя бы первый год своей жизни и совладал с силой, которой мать благословила – или прокляла – его.

В восемь месяцев Байр пошел. И не просто пошел. Он бежал, лазал, прыгал и падал – крошечный мальчонка с силой и

ловкостью детей втрое старше него. Крепкие ноги и сильные руки Байра редко оставались в покое. К году он догонял и ловил цыплят, тут же отпуская их. Сердитому петуху игра не нравилась, и он спасался, взлетая на крышу курятника, за пределы досягаемости детских рук.

Байр разочарованно смотрел на петуха. Ему хотелось, чтобы яркая птица спустилась. Но наступил день, когда мальчику надоело ждать. Не успел Дагмар отвернуться к овощной грядке, за которой ухаживал, как малыш вскарабкался на забор и полез по гребню, не сводя глаз с обозленного петуха. А еще через год он снял перепуганную кошку с крепостного вала в замке. Лазая по стенам и бегая по крышам, он никогда не оступался и ни капли не боялся.

Постоянно опасаясь за ребенка, Дагмар старался всегда держать его в поле зрения, а по ночам даже привязывал Байра к себе, чтобы сорванец не мог ускользнуть незамеченным и заняться своим излюбленным делом – лазанью по каменным лестницам, открытым окнам и стенам, отделявшим территорию храма от королевского замка.

Дагмар изобразил запрещающие и охранительные руны на двери в келью и под окном. Он чертил их на балках потолка над головой, на камнях пола под ногами, и ладони его покрылись струпьями и язвами от постоянных кровопусканий.

– Боги благоволят к этому мальчику, – пожурил верховный хранитель Дагмара, посмотрев на его руки. – Норны показали мне нити его судьбы, из которых они свили длинную

красочную бечеву, и она, как река, тянется вдаль и теряется из виду. Он не погибнет. Прекрати писать руны кровью, брат. Ты только ослабляешь себя. Мальчик всех нас переживет.

Но Айво не убедил Дагмара.

– Он почти не издает ни звука. Не лепечет, как большинство детей. Байр замечательно развит телесно, но совсем не говорит. Его сила намного превосходит развитие разума, – беспокоился Дагмар. – А сила без мудрости опасна.

– Слишком мал еще, – возражал Айво. – Научится. Он многое понимает. По глазам видно, что голова у него работает.

Дагмар только беспомощно кивал, но продолжал рисовать руны и заключать сделки с богами.

В ОБЫЧНОМ СМЫСЛЕ НАЗВАНИЯ у нее не было. Ее именовали просто – «королевская деревня». Раскинувшись у подножия Храмовой горы, она протянулась во всех направлениях мили на три. Наверху огромной просторной горы, или скорее холма, поднимались к небу шпили храма, а рядом, точно так же парящий на фоне неба и величественный, расположился замок короля. Храм не случайно стоял выше, и не без умысла оба сооружения находились на одном холме, хотя скорее это было плато, потому что верхнюю часть срезал сам Один, а Тор выровнял ее своим молотом. Хранители Сейлока не указывали королю и не вмешивались в управление королевством. Они были просто зрителями, противовесом королевской власти, и им вменялись в обязанности выбор короля и передача его власти и полномочий. Когда король умирал, корона не переходила к его сыну или дочери. Она не передавалась его наследникам или его клану, а перемещалась из клана в клан – из Адьяра в Берн, из Берна в Долфис, из Долфиса в Эббу, из Эббы в Йоран, из Йорана в Лиок, из Лиока снова в Адьяр. Корона переходила к тому представителю клана, которого выбирали боги... и хранители.

Ныне правящий король Ансел происходил из Адьяра, клана Орла, и его дочь Аланна вышла замуж за Банрууда, ярла

Берна. Когда король Ансел умрет, его семья покинет Храмовую гору и королевский замок. Они вернутся в свой клан, к прежней жизни, которую вели до переезда в замок, а нового короля выберут из следующего клана. Таким образом, ни одна семья, ни одно племя, ни один человек не мог властвовать слишком долго. Именно так Сейлок управлялся на протяжении пятисот лет. Один король правил семьдесят лет. Другой – всего семьдесят дней. Но корона безо всяких исключений продолжала передаваться из клана в клан. Чаще всего короновали клановых ярлов. Естественный выбор, ибо они были могущественны, привычны к управлению своими землями и кланами. Племена часто поддерживали своих ярлов, и хранители Сейлока принимали это в расчет.

За пять столетий всего пять раз хранители отказались избрать королем вождя клана. Один раз это чуть не закончилось мятежом, но народ Сейлока и вожди кланов – все, кроме ярла, которого не короновали, – поддержали хранителей и одобрили их выбор. Ярл Йорана, которому отказали в короне, задумал заговор с целью убить человека, избранного вместо него, и преуспел в своих злодейских замыслах. Корона сразу перешла в клан Лиока, который был следующим в череде преемников. Королем стал старший сын престарелого ярла Лиока, а злобного ярла из Йорана обезглавили.

Какими бы гнусными и несправедливыми ни были обстоятельства смерти короля, корона никогда не оставалась в том же клане. Случалось, что некоторые кланы сговаривались

убить ярлов других племен, дабы открыть себе доступ к трону, но хранители пресекали посягательства на власть, избирая простых воинов или фермеров, вовсе обходясь без ярлов. Бывали и попытки подкупа, конечно, тайные, и четырех старших хранителей приговаривали к ослеплению, лишали звания и изгоняли, заставляя покинуть храм и просить милостыню у людей, чье доверие они не оправдали.

Народ Сейлока оказался неумолим. Уже обложенный налогами на содержание короля и храма, он не был заинтересован в том, чтобы кормить продажных хранителей, злоупотребивших своим положением и осквернивших свои священные обязанности.

Дагмар почти не сомневался, что следующим королем станет Банрууд из Берна. Ансел, хороший правитель, старел, и клан Медведя ждал своей очереди. Как ярл, Банрууд обратится к хранителям, и его просьбу трезво обдумают, прежде чем рассмотрят другого соискателя из Берна. Право обращения к хранителям имел каждый человек из Берна, но мало кто им пользовался. Люди хранили верность своим ярлам, а зачастую и боялись. Если им отказывали и они возвращались на свои земли, то в лучшем случае их ждало изгнание, а иногда кое-что и похуже. Раз ярл хочет стать королем, оспаривать его желание неосмотрительно. Конечно, хранители Сейлока обладали властью выбрать любого человека, даже если он не присутствовал лично в качестве претендента на престол, но это было так необычно, что о подобном никто не

слыхивал. Дагмар не знал примеров, когда такое случалось.

Банрууд был богат, могуществен, его боялись в Берне и во всех кланах. Он станет следующим королем. Это вопрос времени. Дагмар боялся этого. Банрууд поселится во дворце Сейлока на Храмовой горе, рядом с сыном, которого никогда не видел, рядом с мальчиком, который растет в стенах храма таким сильным и ладным. Пойдут пересуды о силе ребенка. В помещениях для прислуги уже говорят об этом.

Жители деревни называли Байра «мальчик из храма». Рассказы про способности малыша люди слышали от прачек, стиравших белье храмовых служителей, от поваров, работавших на дворцовых кухнях, солдат, охранявших стены храма и делавших ставки на чудеса силы и ловкости малыша. Дагмар пробовал оградить ребенка от людского любопытства, пытался держать его необыкновенную силу в тайне, но это оказалось невозможно. К трем годам Байр вприпрыжку бегал за стражниками, повторял упражнения, выполняемые ими с мечом и щитом. Сейчас, когда Байру исполнилось семь, он носился по холмам, стараясь обогнать Дагмара, поднимал булыжники, которые с трудом сдвигал с места взрослый мужчина, – настолько большие, что он даже не мог обхватить их руками.

Мастер Айво объявил все эти подвиги – и мальчишку – чудом, назвал его ребенком Тора, самого сильного из богов, и Дагмар тогда ничего не сказал. Он знал, кому Байр обязан своей силой, и это был не бог грома. Силу Байру напро-

рочила его мать, и ее кровавая жертва принесла плоды. Но это было не все. За семь лет, прошедших со дня смерти Дездемоны, в Сейлоке не родилось ни одной девочки. Ни в одном клане. В первый год люди радовались появлению на свет такого множества крепких сыновей и благодарили богов. В следующем году, пообщавшись с соплеменниками и членами других кланов, народ озадачился необычным наплывом мальчиков. На третий год люди начали беспокоиться. Ярлы всех шести кланов пошли к королю, король пришел к верховному хранителю. Айво собрал всех хранителей Сейлока, и они пролили свою кровь на землю, чертя руны и моля богиню Фрейю дать Сейлоку дочерей. Хранители постились, молились и каждое полнолуние приносили в жертву шесть ягнят мужского пола.

Но дочери не родились. Ни на четвертый год, ни на пятый. Ни на шестой. За семь лет для сыновей Сейлока не родилось ни одной девочки. А Дагмар хранил молчание. Вместе с братией он проливал кровь и вырезал руны. Он молил небожителей – скандинавских и кельтских богов, бога христиан, но его мольбы не дали Сейлоку дочерей. Поначалу жизнь Дагмара после смерти сестры наполнилась заботами отцовства, воспитанием ребенка в сообществе мужчин, столь же несведущих в семейной жизни, как и он сам, и задуматься о рунах, начертанных Дездемоной, времени не было. Но годы шли, а дочери Сейлока перестали рожать новых дочерей. Будущее начинало тревожить. Вот тогда-то горькие сло-

ва Дездемоны и пришли на ум Дагмару, мучая его каждый миг бодрствования.

Чувство вины терзало Дагмара; в сердце поселилась скорбь, но страхи и сомнения заставляли его молчать. Наверняка ни одна руна не могла вместить такого могущества. Наверняка не Дездемона стала причиной такого бедствия. Должно быть, что-то другое. Девочки снова будут рождаться. Сейлок выживет. Дездемона сказал, что Байр станет их спасением. Но как? И когда?

– Что мне делать, Один? Он всего лишь мальчик, – громко простонал Дагмар. Глаза его были закрыты, он молился. – Может, он и силен, но такая ноша ему не по плечу.

Дагмар замолчал и прислушался, но мир вокруг был тих и спокоен, лес глух к его мольбам, и, взглянув на свои покрытые шрамами ладони, он прижал их к стволу дерева Дездемоны. Его не оставляла надежда постичь замысел сестры, понять ее последние слова, но ощутил он только биение жизни, ход времени и, отчаявшись, в конце концов опустил руки.

Дагмар почувствовал мальчика раньше, чем услышал его. Так всегда бывало. Байр передвигался тихо, но Дагмар ощущал его присутствие, видел внутренним взором и надеялся, что племянник не услышал его мольбу.

– Д-д-д, – промычал Байр, объявляя о своем присутствии. Он пытался сказать «дядя», но с большим трудом соединял звуки между собой и очень быстро сдавался, едва выговорив хотя бы один. Байр понимал все, что ему говорили, но

заикался так сильно, что на произношение одного слова ему требовалось несколько секунд.

Напевная речь давалась ему легче. Мальчик присоединялся к хранителям во время утренних служб и напевал строфы, которые слышал со дня своего рождения. Если Байра принуждали говорить самостоятельно, он не мог вымолвить ни звука. Заикание казалось странной особенностью для такого сильного мальчика, почти не знавшего трудностей в остальных делах. Следствием этого недостатка была его застенчивость и неуверенность в себе, что делало Байра легко обучаемым, добрым и отзывчивым. Дагмар и благодарил богов, и тревожился о будущем племянника.

Частенько он задумывался о небольшом разрыве в руне силы, начертанной Дездемоной, и постоянно задавался вопросом, знала ли она, что делает.

– Да, Байр? – с запозданием откликнулся Дагмар и отвернулся от дерева, высившегося над могилой сестры. Он часто приходил сюда, поэтому его не удивило, что Байр знает, где искать дядю.

– А-а-ай-во, – выговорил Байр, указывая на храм.

– Он хочет меня видеть?

Байр кивнул, обходясь без слов. Они могли объясняться взглядами, движениями плеч и другими жестами, и племянника это вполне устраивало. У мальчика было выразительное лицо; бледно-голубые глаза и вихрастые черные волосы придавали ему сходство с волками, характерное для его

предков из Долфиса. Дагмар с Дездемоной обладали тем же цветом глаз и волос. Мальчик походил на них, но унаследовал рост и силу выходцев из Берна, клана Медведя. Это клан его отца, и если мальчик когда-нибудь попадется на глаза Банрууду, то ярлу трудно будет не заметить сходства с людьми его племени. Но Банрууд в глаза мальчика не видел. Очень немногие за пределами храма знали о нем. Дред, отец Дагмара, приезжал искать дочь через месяц после ее смерти, и Дагмар показал дерево, у корней которого она истекала кровью. Но что Дездемона родила ребенка, пережившего мать, он не открыл. Проклиная богов и свою судьбу, мертвую дочь и нерожденного наследника, Дред уехал, и больше Дагмар его не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.